

Искусственный интеллект в координатах права

Artificial intelligence in the coordinates of law

法律座標下的人工智慧

Хабриева Т.Я.

академик РАН, заместитель президента РАН,
действительный член Международной академии сравнительного права,
доктор юридических наук, профессор,
академик-секретарь Отделения общественных наук РАН,
директор Института законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия,

Academician of the RAS, Deputy President of the RAS, full member of the International
Academy of Comparative Law, Doctor of Law, Professor,
Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS,
Director of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia,

俄羅斯科學院院士、俄羅斯科學院副院長，
國際比較法學院正式會員，法學博士、教授、
俄羅斯科學院社會科學部院士兼秘書，
俄羅斯聯邦政府立法與比較法研究所所長
俄羅斯莫斯科
office@izak.ru

Аннотация. Искусственный интеллект послужил предпосылкой формирования специфического предмета правового регулирования, что поставило задачу поиска адекватных форм и методов правового воздействия на общественные отношения в данной сфере. Проведен анализ касающийся искусственного интеллекта, в том числе с точки зрения этики и права вопросов правового регулирования, юридической ответственности, кибербезопасности и сохранности персональных данных, , возможностей предиктивной аналитики, субъектности объектов с искусственным интеллектом, а также интеллектуальной собственности. Искусственный интеллект, а также общественные отношения, связанные с его созданием и использованием, постепенно приобретают правовую форму, которая развивается в системе координат, заданной идеями приоритета прав человека, безопасности личности, общества и государства. Показано, что можно прогнозировать укоренение разрешительного правового режима оборота технологий и систем искусственного интеллекта, расширение юридических гарантий безопасности человека и его прав, обеспечение правового бытия искусственного интеллекта в строго определённых параметрах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, юридическая

ответственность, персональные данные, кибербезопасность, этика, право, распознавание лиц, предиктивная аналитика, субъект права, интеллектуальная собственность

Annotation. Artificial intelligence served as a prerequisite for the formation of a specific subject of legal regulation, which posed the task of finding adequate forms and methods of legal influence on public relations in this area. An analysis was carried out regarding artificial intelligence, including from the point of view of ethics and law, issues of legal regulation, legal liability, cybersecurity and safety of personal data, the capabilities of predictive analytics, the subjectivity of objects with artificial intelligence, as well as intellectual property. Artificial intelligence, as well as social relations associated with its creation and use, are gradually acquiring a legal form, which is developing in a coordinate system defined by the ideas of the priority of human rights, the security of the individual, society and state. It is shown that it is possible to predict the establishment of a permissive legal regime for the circulation of technologies and artificial intelligence systems, the expansion of legal guarantees of human security and his rights, and ensuring the legal existence of artificial intelligence within strictly defined parameters.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, legal liability, personal data, cybersecurity, ethics, law, facial recognition, predictive analytics, subject of law, intellectual property

註解。 人工智慧作為特定法律規制主體形成的前提，這提出了尋找適當的法律影響該領域公共關係的形式和方法的任務。對人工智慧進行了分析，包括從倫理和法律的角度、法律監管問題、法律責任、網路安全和個人資料安全、預測分析能力、人工智慧物件的主觀性等方面進行分析。以及智慧財產權。人工智慧以及與其創造和使用相關的社會關係正在逐漸獲得法律形式，並在人權優先、個人、社會和國家安全理念所定義的座標系中發展。研究表明，有可能為技術和人工智慧系統的流通建立一個寬鬆的法律制度，擴大對人類安全及其權利的法律保障，並確保人工智慧在嚴格定義的範圍內合法存在。

關鍵字：人工智慧、法律監管、法律責任、個人資料、網路安全、道德、法律、臉部辨識、預測分析、法律主題、智慧財產權

Появление и развитие технологий, именуемых искусственным интеллектом, а также их интенсивное применение в различных сферах человеческой деятельности стало вызовом для права и юридической доктрины. Искусственный интеллект, как и ряд других продуктов технологической революции, послужил предпосылкой формирования специфического предмета правового регулирования, что поставило задачу поиска адекватных форм и методов правового воздействия на общественные отношения в данной сфере.

Искусственный интеллект осваивается правоведами в качестве прикладной и фундаментальной проблемы. Можно констатировать появление в юридической науке самостоятельного научного направления, объединяющего теоретическую и практическую проблематику, связанную с технологиями искусственного интеллекта. Композиция научно-правового знания [1] формируется следующим образом:

1) теоретико-методологические исследования бытия искусственного интеллекта в правовой сфере, создание правовой инфраструктуры

взаимодействия человека и технологий искусственного интеллекта [2];

2) общие вопросы правового регулирования создания и использования искусственного интеллекта [3];

3) отраслевые правовые исследования, оценивающие возможности, последствия, риски опосредования технологий искусственного интеллекта и общественных отношений, связанных с его эксплуатацией, в различных отраслях права и законодательства (антимонопольном [4], банковском [5], корпоративном [6], законодательстве о защите персональных данных [7], об интеллектуальных правах [8]), а также возможности адаптации к этому отраслевых и комплексных правовых институтов (юридическая ответственность, персональные данные, кибербезопасность и т.д.) [9];

4) исследования, нацеленные на разработку теории новых правовых комплексов («цифровое право», «право роботов» [10]), коррелирующих с кибернетической этикой и программными правилами, имплементированными в машинные алгоритмы [11]. Изучаются вопросы о субъектности искусственного интеллекта [12], взаимодействии человека и робототехники в процессе принятия решений [13]. В частности, искусственный интеллект осваивается с позиций когнитивных наук, с точки зрения способности влиять на решения человека в культурном, экономическом и политическом контексте [14];

5) использование искусственного интеллекта в юриспруденции, в том числе для выполнения определенных задач юриста [15].

Анализ исследований приводит к выводу о том, что правоведы в своем научном поиске идут по пути фрагментации полученных знаний. С одной стороны, данный подход ограничивает возможность формирования целостной научной картины предмета исследования, с другой стороны, позволяет доктрине предложить вариативные правовые способы регулирования наиболее важных общественных отношений в области применения искусственного интеллекта, снижения реальных и потенциальных рисков для человека и общества.

Главная научная задача – разработка эффективной модели регулирования – сохраняет свою актуальность. Попытки найти ее решение уже предприняты [16].

Доктринальное освоение юридической проблематики искусственного интеллекта, а также процесс построения регуляторики его применения в различных сферах жизни общества выявили три проблемы, преодоление которых позволит определить перспективы регламентации этой сферы. Они обозначены в научной литературе вместе с прогнозами, возможными сценариями такой регламентации, ни один из которых на момент обнародования результатов исследований еще не стал доминирующим [17].

Первая проблема – в области соотношения этики и права, поиска ответа на вопрос, какой регулятор станет основным в упорядочении общественных

отношений, связанных с созданием и использованием искусственного интеллекта. В течение длительного времени преобладало этическое регулирование [18]. Российская и зарубежная практика поддерживала этот тренд.

Выбор в пользу этики был сделан во многом по причине отсутствия острой потребности в таком регулировании и устойчивых, общественно значимых социальных отношений, которые объективно могли бы быть урегулированы правом. Кроме того, этическое регулирование оказалось более пригодным в условиях высокой динамики формирования нового сегмента социального взаимодействия, требующего определенного нормирования. Право в силу своего консерватизма не успевало оперативно реагировать на происходящие процессы.

Соотношение этического и правового регулирования оказалось весьма подвижным. Со временем появился дефицит позитивного социального эффекта от этического регулирования на фоне повышения уровня и объема применения технологий искусственного интеллекта, в то время как упомянутые социальные отношения приобрели признаки и свойства предмета правового регулирования (устойчивость, общественная значимость и др.). В результате усилилась потребность в их упорядочении на основе права. Как известно, этические нормы не снабжены действенными механизмами, обеспечивающими их реализацию и преодоление последствий их несоблюдения (например, компенсация причиненного вреда жизни, здоровью человека или его имуществу). Право в этом смысле более действенный регулятор, способный не только нормировать поведение людей и организаций, но и примирять, а также разрешать конфликты в области создания и использования искусственного интеллекта. Эффективная регуляция возможна только на основе императивов, которыми оперирует право, т.к. на повестке дня – задача избежать серьезных рисков для человека. Этика постепенно и неизбежно становится дополнительным регулятором. В практике разных государств наблюдается стремление развивать правовое регулирование в области использования искусственного интеллекта.

С высокой долей уверенности можно утверждать, что первая проблема в построении адекватной модели регулирования отношений в области создания и использования искусственного интеллекта уже решена. Выбор сделан в пользу права, главное предназначение которого состоит в защите человека, в том числе от негативного воздействия технологических инноваций. Подтверждением этого вывода служат данные о разработках законодательных актов, непосредственно нацеленных на институционализацию искусственного интеллекта в правовой сфере.

Государства находятся на разных этапах формирования подхода к

регулированию рассматриваемых общественных отношений. В настоящее время в формируемых прототипах моделей соответствующего государственного регулирования преобладают акты государственного стратегического планирования [19], но увеличивается и количество законодательных актов [20]. Законотворческая практика в разных государствах разнообразна, однако в ней прослеживается общая черта, состоящая в том, что в основу законодательных решений (от Европейского союза до КНР) положен приоритет прав человека в том виде, в котором они определены во Всеобщей декларации прав человека. В связи с этим можно констатировать «охранительный» уклон в правовом регулировании процессов развития искусственного интеллекта (в этом плане показателен опыт КНР [21]).

В то же время это не означает отказа от этического регулирования, сохраняющего свое действие, в том числе в качестве источника действующих и проектируемых юридических норм. Осмысление динамики формирующегося социального регулирования приводит к выводу о том, что в нем складывается «трансграничный» режим на «линии соприкосновения» права и морали (этики), демонстрируя их взаимное вторжение в предмет, цели и функционал друг друга. Подобная коллаборация этики и права играет позитивную роль в ходе выработки правил поведения, необходимых как для технологий искусственного интеллекта, так и для защиты человека от сопряженных с этим рисков.

Неоднородность технологий искусственного интеллекта, одновременное развитие «сильного» и «слабого», «общего» и «специального», «высокого» и «низкого» искусственного интеллекта [22], множественность его форм (включая сами технологии, а также технические системы, имеющие в своем составе или использующие искусственный интеллект, например беспилотные автомобили [23]) диктует необходимость учета их особенностей при разработке правовых механизмов. В этом заключается *вторая* проблема, связанная с выбором между общим для всех форм и видов искусственного интеллекта и дифференцированным, даже индивидуализированным регулированием, отражающим специфику «интеллектуальных» технологий и их классификацию.

Новейшая практика свидетельствует о том, что выбор сделан в пользу общего правового регулирования общественных отношений по поводу создания, совершенствования, распространения и эксплуатации технологий, которые по тем или иным признакам могут быть идентифицированы как искусственный интеллект, в пределах определенной юрисдикции. Общие (базовые) законы об искусственном интеллекте готовятся в пятнадцати государствах, в частности в ОАЭ, Омане, Катаре, Малайзии, КНР, Таиланде, Филиппинах.

Значительный интерес подставляет закон об искусственном интеллекте, который прошел первое чтение в Европарламенте. Поправки к нему приняты 14 июня 2023 г. Сфера его применения охватывает все секторы (за исключением

военных) и все виды искусственного интеллекта. Законопроект довольно объемный (144 стр.), содержит правила использования различных приложений на основе искусственного интеллекта, в том числе систем распознавания лиц, предиктивной аналитики, генеративного искусственного интеллекта, беспилотных автомобилей. Он разработан на базе подхода к оценке рисков, согласно которому технологии искусственного интеллекта классифицируются по четырем категориям: «неприемлемый риск», «высокий риск», «низкий риск» и «минимальный риск». Возможно, Закон станет первым в мире примером разностороннего регулирования использования искусственного интеллекта, на который в дальнейшем будут ориентироваться власти других стран и корпорации [24].

Так, Бразилия готовит законопроект, который имеет видимые сходства с указанным проектом закона об искусственном интеллекте Европейского союза. Он содержит весьма похожие определение систем искусственного интеллекта, категории рисков, перечень систем высокого риска, предоставляет субъектам права в отношении поставщиков и пользователей систем искусственного интеллекта механизмы управления обеспечением безопасности и ответственности поставщиков этих систем [25].

В целом страны Запада руководствуются принятыми в 2019 г. Организацией экономического сотрудничества и развития Рекомендациями по искусственному интеллекту. В них закреплены принципы защиты персональных данных, фундаментальных прав человека, прозрачности искусственного интеллекта, сотрудничества государств в его разработке и регулировании [26]. Предлагается также регламентировать данную сферу с опорой на ранее принятые рекомендации о трансграничном потоке персональных данных, учитывающие ответственность оператора по факту его контроля над персональными данными вне зависимости от местонахождения.

Специфичен опыт КНР, где подход является одновременно более фрагментированным и потенциально более жестким (разрешительным), поскольку проектируется правило о предварительном одобрении службы безопасности для использования генеративного искусственного интеллекта, ориентированного на потребителя. Западные специалисты критикуют его за введение чрезмерной, по их мнению, ответственности оператора и разработчика искусственного интеллекта и возложение на него ответственности за поведение пользователя [27]. Помимо защиты персональных данных и ответственности разработчика или оператора систем искусственного интеллекта, законопроект предусматривает защиту общественной морали, «основных ценностей социализма» и традиций китайского общества. Он предусматривает фильтрацию данных, на основе которых обучаются системы искусственного интеллекта [28].

В России ведется работа по подготовке законопроекта об искусственном

интеллекте, который нацелен на переход к общему регулированию, установление баланса между безопасностью и экономической эффективностью при использовании данных технологий [29].

Аргументом в пользу введения общего регулирования служит и тот факт, что на стремительное развитие технологий искусственного интеллекта отреагировали не только законодательство, но конституции ряда государств. Конституционное регулирование в классической традиции является базовым для всей правовой системы и в этом смысле составляет основу для общей модели правового опосредования общественных отношений, связанных с созданием и применением искусственного интеллекта.

В современных конституциях появились такие объекты регулирования, как научно-технологическое развитие (в разных вариантах формулировок – Россия, Мозамбик и др.), новые технологии (Бразилия, Венесуэла), информационные и коммуникационные технологии (Боливия, Германия), инновации, информационные услуги, национальная научно-техническая система (Венесуэла).

В некоторых конституциях государству вменяется в обязанность гарантировать, поддерживать и поощрять научно-технологическое развитие. В связи с этим к предметам ведения и (или) полномочиям органов публичной власти отнесены определение государственной политики в области научно-технологического развития, его обеспечения и поддержки (Россия, Боливия, Германия). Встречается обязывание частного сектора вносить свой вклад в создание национальной научно-технической системы (Венесуэла).

В конституциях закреплены права человека на получение выгоды от научно-технического прогресса Нации (Гватемала), на доступ к интернету и информационным технологиям (Индия, Исландия, Мексика, Судан), использование достижений науки и техники (Индонезия). В проекте политической конституции Республики Чили, который был подготовлен Конституционным конвентом Чили и вынесен на национальный плебисцит (4 сентября 2022 г.), но не был поддержан, каталог общеизвестных прав человека предлагалось дополнить правами: на доступную цифровую среду; участие в цифровом пространстве, его устройствах и инфраструктурах; цифровое образование; развитие знаний, мышления и технологического языка; свободное использование интернета и др.

Вместе с тем в некоторых конституциях закреплены критерии допустимости создания и распространения новых технологий, например необходимость корреляции их продвижения с религиозными ценностями («с высочайшим уважением» к ним) и «национальным единством», с целью «развития цивилизации и процветания человечества» (Индонезия), с этическими и правовыми принципами, «регулирующими исследовательскую деятельность в области науки, гуманизма и технологий» Венесуэла, со

служением людям, с уважением к жизни, физической и психической неприкосновенности (Чили), с общественным благополучием (Бразилия).

В целом можно констатировать, что в современных конституциях выявляются несколько акцентов:

- 1) признание научно-технологического прогресса в качестве конституционной ценности и приоритета общественного развития;
- 2) стимулирование научно-технологического прогресса;
- 3) права человека на доступ к технологическим инновациям;
- 4) охрана конституционных, в том числе религиозных ценностей от возможных негативных последствий технологической революции.

Обновленная в 2020 г. Конституция РФ содержит ряд положений, которые служат своеобразным ответом на вызовы технологической революции и нового технологического уклада. В числе ценностей общественного (в частности, социально-экономического) развития, рассматриваемых в качестве важнейших ориентиров и приоритетов государственной политики (на федеральном и «региональном» уровнях), конституционное закрепление получили научно-технологическое развитие, наука и научный потенциал России как его источники и самостоятельные ценности. Конституцией России по сути учреждена функция государства, состоящая в обеспечении научно-технологических процессов и управлении ими (посредством отнесения к предметам ведения Российской Федерации), а самостоятельным направлением государственной деятельности признается «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» (п. «м» ст. 71).

Особенности данного конституционного регулирования состоят, во-первых, в гармоничном сочетании «позитивно-регулятивного» и охранительного подходов к новым технологиям, во-вторых, в признании необходимости защищать всех без исключения субъектов конституционных правоотношений – личность, общество и государство.

Таким образом, обновленная Конституция формирует мировоззренческую парадигму, в определенном смысле идеологию социально-экономического развития России (на основе знаний и высоких технологий), а также критерии для определения пределов допустимого использования технологических инноваций. В ней нашли отражение стимулы научно-технологического развития (в единстве науки как источника и технологий как результата научного поиска) и гарантии защиты от его нежелательных эффектов.

Кроме того, она создает необходимые конституционные ориентиры для достижения стратегических целей России, оформляет конституционную модель целой сферы общественной жизни, именуемой философами «техносферой» (или более широко – «антропотехносферой») с ее ценностными основаниями, институциональной и функциональной основами, объектами и субъектами

правового взаимодействия, правовыми инструментами реализации государственных приоритетов, конституционными гарантиями безопасности для личности, общества и государства.

Это задает правовые параметры развития и «социализации» искусственного интеллекта с учетом рисков и угроз, которые несет в себе перспектива его повсеместного внедрения.

Полагаем, что представленный ранее научному сообществу прогноз оправдался [30]. Выбор между общим и дифференцированным регулированием состоялся. Для завершения построения «рабочей» модели правового опосредования искусственного интеллекта необходимо разрешить *третью проблему*, которая предполагает определение «статуса» искусственного интеллекта в правовой сфере. Его специфическая природа обуславливает потенциальные возможности по-разному его категорировать в праве. Исследования показали, что искусственный интеллект обладает свойствами (или может их приобрести), которые создают основания для того, чтобы с юридической точки зрения идентифицировать его как минимум в трех ипостасях: 1) в качестве объекта субъективного права или правового режима (например, объекта исключительных прав, определенного режима эксплуатации); 2) как инструмент правового регулирования – вспомогательный или основной; 3) в качестве субъекта права.

Системы искусственного интеллекта в национальных правовых системах проявляют себя в качестве объекта гражданских прав. Соответственно любая технология или система искусственного интеллекта – это то, по поводу чего возникают правоотношения. Например, согласно российскому законодательству [31] искусственный интеллект может быть идентифицирован как имущество, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности. Некоторые исследователи считают возможным применение к нему режима, установленного для источников повышенной опасности [32], предлагают закрепить за ним статус «имущества, способного действовать автономно» [33]. В международной частноправовой практике киберфизические интеллектуальные системы тоже имеют статус вещи в общем смысле и статус товара в коммерческом отношении. Так, Международная классификация товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ) прямо называет специфический вид товара: «Роботы человекоподобные с искусственным интеллектом» (класс 09, базовый № 090778) [34].

В то же время системы искусственного интеллекта демонстрируют черты не только объекта прав, но и инструмента регулирования, способного стать одним из основных в правовой сфере. Изучение влияния цифровизации на социальное, в том числе правовое регулирование показало наличие у технологий искусственного интеллекта необходимого для этого потенциала. В ряде стран они уже используются в правоприменении, а также в

правотворчестве, для прогнозирования последствий принимаемых нормативных правовых актов, выявления противоречий в законодательстве. Есть основания предполагать, что технологии искусственного интеллекта будут использоваться в правообразовании, интерпретации и даже генерации политической воли (в качестве общей воли, отражающей борьбу и согласование свободных волей в их взаимодействии и взаимообусловленности, государственной, классовой или иной) [35].

В доктрине продолжается дискуссия о правосубъектности искусственного интеллекта и признании его субъектом права, а в практике известны случаи наделения юнитов искусственного интеллекта статусом гражданина [36] и официальные решения, допускающие особый правовой статус роботов в качестве электронных лиц, которые несут ответственность за свои действия, могут принимать независимые решения или иным образом независимо взаимодействовать с третьими лицами [37].

Доктрина уже готова предложить правовые модели, обеспечивающие максимальную автономизацию юнитов искусственного интеллекта в социальных и правовых процессах. Так, их предлагается наделить правом на функционирование, энергосбережение, самообучение. Обсуждаются вопросы о распространении на новых «субъектов» прав человека (в их конституционном смысле), юридического закрепления за ними правового статуса «электронного лица» [38], кибернетических «электронных организмов» [39], «электронных агентов» [40] (модели которых уже разработаны).

В число потенциальных конституционных прав и свобод искусственных интеллектуальных систем включаются: право быть свободным, право на самосовершенствование (обучение и самообучение), право на неприкосновенность (защиту программного кода от произвольного вмешательства третьих лиц), свобода слова, свобода творчества, признание за искусственным интеллектом авторских прав и ограниченное право собственности [41].

В отношении обязанностей искусственного интеллекта предлагается конституционное закрепление трех знаменитых законов робототехники, сформулированных А. Азимовым: непричинение вреда человеку, а равно недопущение своим бездействием его причинения; повиновение всем приказам, отдаваемым человеком, кроме направленных на причинение вреда другому человеку; забота о собственной безопасности, за исключением предыдущих двух случаев [42].

Наделение технологий правосубъектностью объясняется прагматичными соображениями, в числе которых необходимость решения ставших уже очевидными проблем их правовой идентификации в социальном и правовом пространстве, упрощения и оптимизации применения к ним действующих правовых режимов, содействия интеграции и сотрудничеству между человеком

и машиной [43], а также специфика программ, которые в процессе самообучения становятся независимыми от своего создателя. Такие программы могут генерировать результаты, отличные от замысла разработчика, но ставшие возможными благодаря обобщающей способности лежащего в их основе алгоритма [44]. Наиболее важной причиной актуальности обоснования соответствующих правотворческих решений является стремление перенести на сами юниты искусственного интеллекта бремя юридической ответственности за причинение вреда человеку, имуществу, охраняемым законом общественным отношениям.

С точки зрения теории и практики вопросы правосубъектности искусственного интеллекта обсуждаются преимущественно в контексте права интеллектуальной собственности, ответственности за гражданско-правовые деликты, картельных сговоров. Правоведы допускают даже уголовную ответственность искусственного интеллекта [45], оценивают перспективу появления в уголовных кодексах раздела, посвященного мерам уголовно-правового характера, применимым к электронным субъектам [46]. При этом в доктрине отмечается, что ответственность искусственного интеллекта должна сводиться не к карательно-воспитательным мерам, а к установлению действенного механизма управления рисками [47].

Это далеко не полная характеристика практических и доктринальных предпосылок развития идей о правосубъектности искусственного интеллекта. Однако их осмысление в сопряжении с формирующимся теоретическим обоснованием приводит к выводу о том, что юридическое оформление правосубъектности искусственного интеллекта может оказаться вполне реальным. Это, несомненно, влечет рост уязвимости любого человека, поскольку в правовой порядок включается ранее не имевший значения элемент — технология.

Означает ли развитие и социализация технологий искусственного интеллекта фатальную неизбежность придания им самостоятельной правосубъектности, невозможность развивать их в рамках традиционных подходов юриспруденции? Представляется, что на фоне возникших и прогнозируемых рисков, связанных с развитием этого сегмента техносферы [48], до тех пор, пока не созданы необходимые человеку правовые гарантии, спешка с созданием новых исключительных юридических конструкций не нужна. Вполне возможно создать условия для эффективного использования искусственного интеллекта при сохранении его идентичности объекту правового регулирования, на что ориентирует классическая юриспруденция. Данный подход может защитить человека от возможных негативных эффектов дальнейшей социализации искусственного интеллекта, не повлечет наслоения новых гибридных юридических конструкций на отработанные веками базовые институты права, послужит формированию общей модели правового

регулирования.

Таким образом, искусственный интеллект, а также общественные отношения, связанные с его созданием и использованием, постепенно приобретают правовую форму, которая развивается в системе координат, заданной идеями приоритета прав человека, безопасности личности, общества и государства. Принимая во внимание поддерживаемую доктриной практику правового регулирования в данной сфере, можно прогнозировать укоренение разрешительного правового режима оборота технологий и систем искусственного интеллекта, расширение юридических гарантий безопасности человека и его прав, обеспечение правового бытия искусственного интеллекта в строго определённых параметрах. Стоит ожидать экстенсивного развития предмета законодательного регулирования в области искусственного интеллекта, усложнение его структуры и системы юридических норм, обеспечивающих гармоничное сосуществование людей и интеллектуальных систем.

The emergence and development of technologies called artificial intelligence, as well as their intensive use in various areas of human activity, has become a challenge for law and legal doctrine. Artificial intelligence, like a number of other products of the technological revolution, served as a prerequisite for the formation of a specific subject of legal regulation, which posed the task of finding adequate forms and methods of legal influence on social relations in this area.

Artificial intelligence is being mastered by legal scholars as an applied and fundamental problem. It can be stated that an independent scientific direction has emerged in legal science, combining theoretical and practical issues related to artificial intelligence technologies. The composition of scientific and legal knowledge [1] is formed as follows:

- 1) theoretical and methodological studies of the existence of artificial intelligence in the legal sphere, the creation of a legal infrastructure for the interaction of humans and artificial intelligence technologies [2];

- 2) general issues of legal regulation of the creation and use of artificial intelligence [3];

- 3) sectoral legal studies that assess the possibilities, consequences, risks of mediating artificial intelligence technologies and social relations associated with its operation in various branches of law and legislation (antitrust [4], banking [5], corporate [6], protection legislation personal data [7], intellectual rights [8]), as well as the possibility of adapting sectoral and complex legal institutions to this (legal liability, personal data, cybersecurity, etc.) [9];

- 4) research aimed at developing the theory of new legal complexes (“digital law”, “robot law” [10]), correlating with cybernetic ethics and software rules

implemented in machine algorithms [11]. Questions about the subjectivity of artificial intelligence [12], the interaction of humans and robotics in the decision-making process [13] are being studied. In particular, artificial intelligence is being mastered from the perspective of cognitive sciences, from the point of view of the ability to influence human decisions in a cultural, economic and political context [14];

5) the use of artificial intelligence in jurisprudence, including to perform certain tasks of a lawyer [15].

Analysis of research leads to the conclusion that legal scholars in their scientific research follow the path of fragmentation of acquired knowledge. On the one hand, this approach limits the possibility of forming a holistic scientific picture of the subject of research, on the other hand, it allows the doctrine to offer variable legal ways to regulate the most important social relations in the field of artificial intelligence, reducing real and potential risks for humans and society.

The main scientific task - the development of an effective regulatory model - remains relevant. Attempts to find its solution have already been made [16].

The doctrinal mastery of the legal issues of artificial intelligence, as well as the process of constructing regulations for its use in various spheres of society, have identified three problems, overcoming which will help determine the prospects for regulating this area. They are outlined in the scientific literature along with forecasts and possible scenarios for such regulation, none of which had yet become dominant at the time the research results were published [17].

The first problem is in the area of the relationship between ethics and law, finding an answer to the question of which regulator will become the main one in regulating social relations related to the creation and use of artificial intelligence. Ethical regulation has prevailed for a long time [18]. Russian and foreign practice supported this trend.

The choice in favor of ethics was made largely due to the lack of an urgent need for such regulation and stable, socially significant social relations that could objectively be regulated by law. In addition, ethical regulation turned out to be more suitable in conditions of high dynamics of the formation of a new segment of social interaction that requires a certain standardization. The law, due to its conservatism, did not have time to quickly respond to ongoing processes.

The relationship between ethical and legal regulation turned out to be very fluid. Over time, a shortage of positive social effect from ethical regulation appeared against the backdrop of an increase in the level and volume of application of artificial intelligence technologies, while the mentioned social relations acquired the signs and properties of the subject of legal regulation (sustainability, social significance, etc.).

As a result, the need to regulate them on the basis of law has increased. As is known, ethical standards are not equipped with effective mechanisms to ensure their implementation and overcome the consequences of their non-compliance (for example, compensation for harm caused to human life, health or property). Law in

this sense is a more effective regulator, capable of not only normalizing the behavior of people and organizations, but also reconciling and resolving conflicts in the field of creation and use of artificial intelligence. Effective regulation is possible only on the basis of imperatives that the law operates with, because on the agenda is the task of avoiding serious risks to humans. Ethics gradually and inevitably becomes an additional regulator. In the practice of different states, there is a desire to develop legal regulation in the field of the use of artificial intelligence.

With a high degree of confidence, we can say that the first problem in building an adequate model for regulating relations in the field of creation and use of artificial intelligence has already been solved. The choice was made in favor of law, the main purpose of which is to protect people, including from the negative impact of technological innovations. This conclusion is confirmed by data on the development of legislative acts directly aimed at the institutionalization of artificial intelligence in the legal field.

States are at different stages of developing an approach to regulating the social relations under consideration. Currently, in the prototypes of models of relevant state regulation being formed, acts of state strategic planning predominate [19], but the number of legislative acts is also increasing [20]. Legislative practice in different states is diverse, but it has a common feature that legislative decisions (from the European Union to the PRC) are based on the priority of human rights in the form in which they are defined in the Universal Declaration of Human Rights. In this regard, we can state a “protective” bias in the legal regulation of the development of artificial intelligence (in this regard, the experience of the PRC is indicative [21]).

At the same time, this does not mean a rejection of ethical regulation, which remains in effect, including as a source of existing and projected legal norms. Understanding the dynamics of the emerging social regulation leads to the conclusion that it is developing a “cross-border” regime on the “line of contact” of law and morality (ethics), demonstrating their mutual intrusion into the subject, goals and functionality of each other. Such a collaboration between ethics and law plays a positive role in the development of rules of conduct necessary both for artificial intelligence technologies and for protecting people from the associated risks.

The heterogeneity of artificial intelligence technologies, the simultaneous development of “strong” and “weak”, “general” and “special”, “high” and “low” artificial intelligence [22], the multiplicity of its forms (including the technologies themselves, as well as technical systems that have in their composition or use artificial intelligence, for example, unmanned vehicles [23]) dictates the need to take into account their features when developing legal mechanisms. This is the second problem associated with the choice between common to all forms and types of artificial intelligence and differentiated, even individualized regulation, reflecting the specifics of “intelligent” technologies and their classification.

The latest practice indicates that the choice was made in favor of general legal

regulation of public relations regarding the creation, improvement, distribution and operation of technologies that, for one reason or another, can be identified as artificial intelligence, within a certain jurisdiction. General (basic) laws on artificial intelligence are being prepared in fifteen countries, in particular in the UAE, Oman, Qatar, Malaysia, China, Thailand, and the Philippines.

Of significant interest is the law on artificial intelligence, which passed the first reading in the European Parliament. Amendments to it were adopted on June 14, 2023. The scope of its application covers all sectors (with the exception of the military) and all types of artificial intelligence. The bill is quite voluminous (144 pages) and contains rules for the use of various applications based on artificial intelligence, including facial recognition systems, predictive analytics, generative artificial intelligence, and self-driving cars. It is designed using a risk assessment approach that classifies AI technologies into four categories: “unacceptable risk,” “high risk,” “low risk,” and “minimal risk.” Perhaps the Law will become the world’s first example of comprehensive regulation of the use of artificial intelligence, which will be followed in the future by the authorities of other countries and corporations [24].

Thus, Brazil is preparing a bill that has visible similarities with the above-mentioned draft law on artificial intelligence of the European Union. It contains very similar definitions of artificial intelligence systems, risk categories, a list of high-risk systems, and provides subjects with rights in relation to suppliers and users of artificial intelligence systems with mechanisms for managing the security and liability of suppliers of these systems [25].

In general, Western countries are guided by the Recommendations on Artificial Intelligence adopted in 2019 by the Organization for Economic Cooperation and Development. They enshrine the principles of protection of personal data, fundamental human rights, transparency of artificial intelligence, and cooperation between states in its development and regulation [26]. It is also proposed to regulate this area based on previously adopted recommendations on the cross-border flow of personal data, taking into account the operator’s responsibility for the fact of his control over personal data, regardless of location.

The experience of the People's Republic of China is specific, where the approach is both more fragmented and potentially more restrictive (permissive), as a rule is being drafted for the prior approval of the security service for the use of consumer-oriented generative artificial intelligence. Western experts criticize it for introducing, in their opinion, excessive responsibility for the operator and developer of artificial intelligence and holding him responsible for the user’s behavior [27]. In addition to protecting personal data and the responsibility of the developer or operator of artificial intelligence systems, the bill provides for the protection of public morality, the “core values of socialism” and the traditions of Chinese society. It involves filtering data on the basis of which artificial intelligence systems are trained

[28].

In Russia, work is underway to prepare a bill on artificial intelligence, which is aimed at transitioning to general regulation, establishing a balance between safety and economic efficiency when using these technologies [29].

An argument in favor of introducing general regulation is also the fact that not only legislation, but also the constitutions of a number of states responded to the rapid development of artificial intelligence technologies. Constitutional regulation in the classical tradition is basic for the entire legal system and in this sense forms the basis for a general model of legal mediation of social relations related to the creation and use of artificial intelligence.

Modern constitutions have introduced such objects of regulation as scientific and technological development (in different formulations - Russia, Mozambique, etc.), new technologies (Brazil, Venezuela), information and communication technologies (Bolivia, Germany), innovations, information services, national scientific and technical system (Venezuela).

Some constitutions oblige the state to guarantee, support and encourage scientific and technological development. In this regard, the subjects of jurisdiction and (or) powers of public authorities include the determination of state policy in the field of scientific and technological development, its provision and support (Russia, Bolivia, Germany). There is an obligation for the private sector to contribute to the creation of a national scientific and technological system (Venezuela).

The constitutions enshrine human rights to benefit from the scientific and technological progress of the Nation (Guatemala), to access the Internet and information technology (India, Iceland, Mexico, Sudan), and to use the achievements of science and technology (Indonesia). In the draft political constitution of the Republic of Chile, which was prepared by the Constitutional Convention of Chile and submitted to the national plebiscite (September 4, 2022), but was not supported, it was proposed to supplement the catalog of well-known human rights with the rights to: an accessible digital environment; participation in the digital space, its devices and infrastructures; digital education; development of knowledge, thinking and technological language; free use of the Internet, etc.

At the same time, some constitutions establish criteria for the admissibility of the creation and dissemination of new technologies, for example the need to correlate their promotion with religious values (“with the highest respect” for them) and “national unity”, with the goal of “the development of civilization and the prosperity of mankind” (Indonesia), with ethical and legal principles “regulating research activities in the fields of science, humanity and technology” Venezuela, with service to people, with respect for life, physical and mental integrity (Chile), with public welfare (Brazil).

In general, it can be stated that modern constitutions reveal several emphases:

1) recognition of scientific and technological progress as a constitutional value

and priority of social development;

2) stimulation of scientific and technological progress;

3) human rights to access technological innovations;

4) protection of constitutional, including religious values from possible negative consequences of the technological revolution.

The Constitution of the Russian Federation, updated in 2020, contains a number of provisions that serve as a unique response to the challenges of the technological revolution and the new technological structure. Among the values of social (in particular, socio-economic) development, considered as the most important guidelines and priorities of state policy (at the federal and “regional” levels), scientific and technological development, science and the scientific potential of Russia as its sources and independent values. The Constitution of Russia essentially established the function of the state, which consists in ensuring scientific and technological processes and managing them (by referring them to the jurisdiction of the Russian Federation), and an independent direction of state activity is recognized as “ensuring the security of the individual, society and the state in the use of information technologies, circulation of digital data” (Clause “m” Article 71).

The features of this constitutional regulation consist, firstly, in the harmonious combination of “positive-regulatory” and protective approaches to new technologies, and secondly, in the recognition of the need to protect all subjects of constitutional legal relations without exception - the individual, society and the state.

Thus, the updated Constitution forms a worldview paradigm, in a certain sense, an ideology of socio-economic development of Russia (based on knowledge and high technologies), as well as criteria for determining the limits of the permissible use of technological innovations. It reflects the incentives for scientific and technological development (in the unity of science as a source and technology as a result of scientific research) and guarantees of protection against its undesirable effects.

In addition, it creates the necessary constitutional guidelines for achieving the strategic goals of Russia, formalizes the constitutional model of an entire sphere of public life, called by philosophers the “technosphere” (or more broadly, the “anthropotechnosphere”) with its value foundations, institutional and functional foundations, objects and subjects of legal interaction, legal instruments for the implementation of state priorities, constitutional guarantees of security for the individual, society and the state.

This sets the legal parameters for the development and “socialization” of artificial intelligence, taking into account the risks and threats that the prospect of its widespread implementation carries.

We believe that the forecast previously presented to the scientific community was justified [30]. The choice between general and differentiated regulation has been made. To complete the construction of a “working” model of legal mediation of artificial intelligence, it is necessary to resolve the third problem, which involves

determining the “status” of artificial intelligence in the legal sphere. Its specific nature determines the potential for categorizing it differently in law. Research has shown that artificial intelligence has properties (or can acquire them) that create grounds for identifying it from a legal point of view in at least three forms: 1) as an object of subjective law or legal regime (for example, an object of exclusive rights , a certain operating mode); 2) as an instrument of legal regulation - auxiliary or main; 3) as a subject of law.

Artificial intelligence systems in national legal systems manifest themselves as an object of civil rights. Accordingly, any technology or artificial intelligence system is something about which legal relations arise. For example, according to Russian legislation [31], artificial intelligence can be identified as property, protected results of intellectual activity. Some researchers consider it possible to apply to it the regime established for sources of increased danger [32], and propose assigning it the status of “property capable of acting autonomously” [33]. In international private law practice, cyberphysical intelligent systems also have the status of a thing in a general sense and the status of a product in a commercial sense. Thus, the International Classification of Goods and Services for the registration of marks (ICGS) directly names a specific type of product: “Humanoid robots with artificial intelligence” (class 09, base number 090778) [34].

At the same time, artificial intelligence systems demonstrate the features of not only an object of rights, but also a regulatory tool that can become one of the main ones in the legal field. The study of the impact of digitalization on social, including legal regulation, showed that artificial intelligence technologies have the necessary potential for this. In a number of countries, they are already used in law enforcement, as well as in lawmaking, to predict the consequences of adopted regulatory legal acts, and to identify contradictions in legislation. There is reason to assume that artificial intelligence technologies will be used in legal formation, interpretation and even the generation of political will (as a general will reflecting the struggle and coordination of free wills in their interaction and interdependence, state, class or other) [35].

The doctrine continues to discuss the legal personality of artificial intelligence and its recognition as a subject of law, and in practice there are cases of granting artificial intelligence units the status of citizens [36] and official decisions allowing a special legal status for robots as electronic persons who are responsible for their actions may make independent decisions or otherwise interact independently with third parties [37].

The doctrine is already ready to propose legal models that ensure maximum autonomy of artificial intelligence units in social and legal processes. Thus, it is proposed to give them the right to operate, save energy, and self-learn. Issues are being discussed about the extension of human rights to new “subjects” (in their constitutional sense), the legal status of an “electronic person” [38], cybernetic “electronic organisms” [39], “electronic agents” [40] (models which have already

been developed).

The potential constitutional rights and freedoms of artificial intelligent systems include: the right to be free, the right to self-improvement (training and self-education), the right to integrity (protection of program code from arbitrary interference of third parties), freedom of speech, freedom of creativity, recognition of copyright for artificial intelligence rights and limited property rights [41].

With regard to the responsibilities of artificial intelligence, a constitutional consolidation of the three famous laws of robotics formulated by A. Azimov is proposed: non-causing harm to a person, as well as preventing one's inaction from causing it; obedience to all orders given by a person, except those aimed at causing harm to another person; concern for one's own safety, with the exception of the previous two cases [42].

The endowment of technologies with legal personality is explained by pragmatic considerations, including the need to solve the already obvious problems of their legal identification in the social and legal space, simplify and optimize the application of existing legal regimes to them, promote integration and cooperation between man and machine [43], as well as the specifics programs that, in the process of self-learning, become independent of their creator. Such programs may produce results that differ from the developer's intent, but are made possible by the generalizing ability of the underlying algorithm [44]. The most important reason for the relevance of justifying the corresponding law-making decisions is the desire to transfer the burden of legal responsibility for causing harm to a person, property, or social relations protected by law to the artificial intelligence units themselves.

From the point of view of theory and practice, issues of the legal personality of artificial intelligence are discussed mainly in the context of intellectual property law, liability for civil torts, and cartel agreements. Legal scholars even admit the criminal liability of artificial intelligence [45], and assess the prospect of the appearance in criminal codes of a section devoted to measures of a criminal legal nature applicable to electronic subjects [46]. At the same time, the doctrine notes that the responsibility of artificial intelligence should not be reduced to punitive and educational measures, but to the establishment of an effective risk management mechanism [47].

人工智慧技術的出現和發展，以及它們在人類活動各個領域的密集使用，已成為法律和法律原則的挑戰。與科技革命的許多其他產物一樣，人工智慧是特定法律規制主體形成的先決條件，這提出了尋找法律影響該領域社會關係的適當形式和方法的任務。

人工智慧正被法律學者視為一個應用和基本問題。可以說，法律科學已經出現了一個獨立的科學方向，將人工智慧技術相關的理論和實踐問題結合起

來。科學和法律知識[1]的構成如下：

1) 對人工智慧在法律領域的存在進行理論和方法論研究，為人類和人工智慧技術的互動建立法律基礎設施[2]；

2) 人工智慧創造和使用的法律規制的一般問題[3]；

3) 部門法律研究，評估調解人工智慧技術及其在各個法律和立法分支（反壟斷[4]、銀行業[5]、公司[6]、保護立法）中運作相關的社會關係的可能性、後果和風險個人資料[7]、智慧財產權[8]），以及為此調整部門和複雜法律機構的可能性（法律責任、個人資料、網路安全等）[9]；

4) 旨在發展新法律複合體理論（「數位法」、「機器人法」[10]）的研究，與機器演算法中實施的控制論倫理和軟體規則相關[11]。關於人工智慧的主觀性[12]、人類和機器人在決策過程中的互動[13]等問題正在研究中。特別是，人工智慧正在從認知科學的角度，從在文化、經濟和政治背景下影響人類決策的能力的角度來掌握[14]；

5) 人工智慧在法學中的運用，包括執行律師的某些任務[15]。

研究分析得出這樣的結論：法學學者在科學研究中走的是知識碎片化的道路。一方面，這種方法限制了形成研究主題的整體科學圖景的可能性，另一方面，它允許該學說提供可變的法律方式來規範人工智慧領域最重要的社會關係，減少人類和社會的實際和潛在風險。

主要的科學任務——發展有效的監管模型——仍然具有現實意義。人們已經嘗試尋找其解決方案[16]。

對人工智慧法律問題的理論掌握，以及建構人工智慧在社會各個領域使用的法規的過程，已經確定了三個問題，克服這些問題將有助於確定該領域監管的前景。科學文獻中概述了它們以及此類監管的預測和可能的情景，但在研究結果發表時，這些都尚未成為主導[17]。

第一個問題是在道德與法律的關係領域，尋找哪個監管者將成為監管與人工智慧創造和使用相關的社會關係的主要監管者的問題的答案。道德監管已經盛行了很長一段時間[18]。俄羅斯和外國的實踐支持了這一趨勢。

選擇道德，很大程度上是因為缺乏對這種監管的迫切需要，也缺乏可以客觀地受到法律規範的穩定的、具有社會意義的社會關係。此外，事實證明，道德監管更適合需要一定標準化的社會互動新領域形成的高度動態的條件。由於其保守性，該法律沒有時間對正在進行的流程做出快速反應。

事實證明，道德監管和法律監管之間的關係非常不穩定。隨著時間的推移，在人工智慧技術應用水平和數量不斷增加的背景下，倫理規制的積極社會效應逐漸顯現不足，而上述社會關係則獲得了法律規制主體的標誌和屬性（可持續性、社會意義等）。

因此，對它們進行法律監管的必要性就增加了。眾所周知，道德標準並

沒有配備有效的機制來確保其實施並克服不遵守道德標準的後果（例如對人的生命、健康或財產造成的損害進行賠償）。這個意義上的法律是更有效的監管者，不僅能夠規範人和組織的行為，而且能夠調和和解決人工智慧創造和使用領域的衝突。只有在法律運作的必要性的基礎上才有可能進行有效的監管，因為議程上的任務是避免對人類造成嚴重風險。道德逐漸且不可避免地成為額外的監管者。在不同國家的實踐中，都希望對人工智慧的使用領域制定法律規制。

我們可以充滿信心地說，建立適當的模型來調節人工智慧的創造和使用領域的關係的第一個問題已經解決。這項選擇有利於法律，其主要目的是保護人民，包括免受技術創新的負面影響。直接針對法律領域人工智慧制度化的立法行為的發展數據證實了這個結論。

各國正處於制定規範所考慮的社會關係的方法的不同階段。目前，在相關國家規制模式的雛形中，國家戰略規劃行為占主導地位[19]，但立法行為的數量也不斷增加[20]。不同國家的立法實踐各不相同，但有一個共同的特點，即立法決定（從歐盟到中國）均以《世界人權宣言》中定義的人權優先為基礎。

對此，我們可以說，人工智慧發展的法律規制存在「保護性」偏見（在這方面，中華人民共和國的經驗具有借鑒意義[21]）。

同時，這並不意味著拒絕道德監管，道德監管仍然有效，包括作為現有和預期法律規範的來源。了解新興社會規制的動態可以得出這樣的結論：它正在法律和道德（倫理）的「接觸線」上發展一種「跨國」制度，表明它們對社會規制的主體、目標和功能的相互侵入。彼此。道德與法律之間的這種合作對於制定人工智慧技術和保護人們免受相關風險所需的行為規則發揮著積極作用。

人工智慧技術的異質性，「強」與「弱」、「通用」與「專用」、「高」與「低」人工智慧同時發展[22]，其表現形式（包括技術本身）的多樣性，以及其組成或使用人工智慧的技術系統，例如無人駕駛車輛[23]），表明在製定法律機制時需要考慮其特徵。這是與所有形式和類型的人工智慧通用和差異化甚至個人化監管之間的選擇相關的第二個問題，反映了「智慧」技術及其分類的具體情況。

最新的實踐表明，這一選擇有利於對在一定管轄範圍內出於某種原因可被識別為人工智慧的技術的創造、改進、分配和運營進行公共關係的一般法律監管。十五個國家正在製定人工智慧的一般（基本）法律，特別是阿聯酋、阿曼、卡達、馬來西亞、中國、泰國和菲律賓。

令人感興趣的是人工智慧法，該法已在歐洲議會一讀通過。其修正案於2023年6月14日通過。其適用範圍涵蓋所有部門（除軍事之外）和所有類型的人工智慧。該法案相當龐大（144頁），包含基於人工智慧的各種應用程式

的使用規則，包括臉部辨識系統、預測分析、產生人工智慧和自動駕駛汽車。它的設計採用風險評估方法，將人工智慧技術分為四類：「不可接受的風險」「高風險」、「低風險」和「最小風險」。也許該法將成為世界上第一個對人工智慧使用進行全面監管的範例，未來其他國家和企業的當局也將效仿[24]。

因此，巴西正在準備一項與上述歐盟人工智慧法草案有明顯相似之處的法案。它包含非常相似的人工智慧系統定義、風險類別、高風險系統列表，並為具有與人工智慧系統供應商和用戶相關的權利的主體提供了管理這些系統供應商的安全和責任的機制。[25]。

整體而言，西方國家以經濟合作暨發展組織 2019 年通過的《人工智慧建議書》為指導。它們體現了保護個人資料、基本人權、人工智慧透明度以及國家間在人工智慧開發和監管方面合作的原則[26]。也建議根據先前通過的關於個人資料跨境流動的建議來規範這一領域，同時考慮到運營商對其控制個人資料的責任，無論其位置如何。

中華人民共和國的經驗是具體的，其方法更加分散，而且可能更具限制性（寬鬆），因為正在起草一項規則，要求安全部門事先批准使用面向消費者的生成人工智慧。西方專家批評它對人工智慧的運作者和開發者引入了過多的責任，並讓他對使用者的行為負責[27]。除了保護個人資料和人工智慧系統開發者或營運者的責任外，該法案還規定了對公共道德、「社會主義核心價值」和中國社會傳統的保護。它涉及過濾數據，並在此基礎上訓練人工智慧系統[28]。

俄羅斯正在準備一項人工智慧法案，旨在過渡到一般監管，在使用這些技術時在安全性和經濟效率之間建立平衡[29]。

支持引入一般監管的一個論點還在於，不僅是立法，而且許多州的憲法都對人工智慧技術的快速發展做出了反應。古典傳統中的憲法規定是整個法律體系的基礎，從這個意義上說，它構成了與人工智慧的創造和使用相關的社會關係的法律調解一般模式的基礎。

現代憲法引入了諸如科學技術發展（不同表述——俄羅斯、莫三比克等）新技術（巴西、委內瑞拉）、資訊和通訊技術（玻利維亞、德國）、創新、資訊服務、國家發展等監管對象。科學和技術系統（委內瑞拉）。

有些憲法規定國家有義務保障、支持、鼓勵科學與技術的發展。在這方面，公共當局的管轄權和（或）權力包括科學技術發展領域國家政策的確定、規定和支持（俄羅斯、玻利維亞、德國）。私營部門有義務為建立國家科學技術體系做出貢獻（委內瑞拉）。

憲法規定了從國家科技進步中受益的人權（瓜地馬拉）、使用網路和資訊科技的權利（印度、冰島、墨西哥、蘇丹）以及利用科學技術成果的權利（印

尼）。智利制憲會議起草並提交全國公民投票（2022年9月4日）但未獲支持的智利共和國政治憲法草案中，提議補充知名人物目錄具有以下權利的權利可訪問的數位環境；參與數位空間、其設備和基礎設施；數位化教育；知識、思維和技術語言的發展；免費使用網路等

同時，一些憲法規定了新技術的創造和傳播的可接受性標準，例如需要將新技術的推廣與宗教價值觀（“對它們表示最高的尊重”）和“民族團結”聯繫起來，以“文明發展與人類繁榮”為目標（印尼），以「規範科學、人文和技術領域的研究活動」為道德和法律原則，為人民服務，尊重生命，身心健全（智利），公共福利（巴西）。

總的來說，現代憲法揭示了幾個重點：

- 1) 承認科學技術進步是憲法價值和社會發展的優先事項；
- 2) 刺激科技進步；
- 3) 獲得技術創新的人權；
- 4) 保護憲法，包括宗教價值觀，免受技術革命可能產生的負面後果。

2020年更新的俄羅斯聯邦憲法包含多項條款，作為應對技術革命和新技術結構挑戰的獨特措施。在社會（特別是社會經濟）發展的價值觀中，科學和技術發展、科學和科學潛力被認為是國家政策（聯邦和「地區」層面）最重要的指導方針和優先事項。俄羅斯作為其來源和獨立價值觀。俄羅斯憲法本質上確立了國家職能，即確保科學技術過程並對其進行管理（將其歸俄羅斯聯邦管轄），國家活動的獨立方向被認為是「確保安全」個人、社會和國家在使用資訊科技、流通數位資料方面的權利」（第71條「m」）。

這項憲法規制的特點，首先在於對新科技的「積極規制」與保護方式的和諧結合，其次在於承認必須無一例外地保護憲法法律關係的所有主體——個人、社會和國家。

因此，更新後的憲法形成了一種世界觀範式，在某種意義上，形成了俄羅斯社會經濟發展的意識形態（以知識和高科技為基礎），以及確定技術創新的允許使用限度的標準。它反映了科學技術發展的動力（科學作為來源和技術作為科學研究的結果的統一）和防止其不良影響的保證。

此外，它還為實現俄羅斯的戰略目標制定了必要的憲法指導方針，正式確立了整個公共生活領域的憲法模式，哲學家稱之為“技術圈”（或更廣泛地說“人類技術圈”）及其價值基礎、體制和職能基礎、法律互動的對象和主體、實施國家優先事項的法律文書、個人、社會和國家安全的憲法保障。

考慮到其廣泛實施的前景所帶來的風險和威脅，這為人工智慧的發展和「社會化」設定了法律參數。

我們相信先前向科學界提出的預測是合理的[30]。已經做出了一般監管和差異化監管之間的選擇。要完成人工智慧法律調解「工作」模式的構建，

需要解決第三個問題，即確定人工智慧在法律領域的「地位」。其特殊性質決定了在法律中對其進行不同分類的可能性。研究表明，人工智慧具有的屬性（或可以獲得這些屬性）為從法律角度以至少三種形式識別它創造了基礎：1）作為主觀法或法律制度的客體（例如，專有權、一定的運營模式）；2）作為法律調節工具—輔助或主要；3）作為法律主體。

國家法律體系中的人工智慧系統表現為公民權利的客體。因此，任何技術或人工智慧系統都會產生法律關係。例如，根據俄羅斯立法[31]，人工智慧可以被認定為財產，是受保護的智力活動成果。一些研究人員認為可以對其適用為增加危險源而建立的製度[32]，並建議賦予其「能夠自主行動的財產」的地位[33]。在國際私法實務中，網路物理智慧系統也具有一般意義上的物的地位和商業意義上的產品的地位。因此，商標註冊商品和服務國際分類（ICGS）直接命名了特定類型的產品：「具有人工智慧的人形機器人」（09類，基號090778）[34]。

同時，人工智慧系統展現的特徵不僅是權利客體，也是一種監管工具，可以成為法律領域的主要監管工具之一。對數位化對社會影響（包括法律監管）的研究表明，人工智慧技術具有實現這一目標的必要潛力。在許多國家，它們已經被用於執法和立法，以預測所採取的監管法律行為的後果，並識別立法中的矛盾。有理由假設人工智慧技術將被用於法律的形成、解釋甚至政治意願的產生（作為反映自由意志在國家、階級或其他方面的相互作用和相互依存中的鬥爭和協調的普遍意志）[35]。

該學說繼續討論人工智慧的法人資格及其作為法律主體的承認，實踐中存在賦予人工智慧單位公民地位的案例[36]以及官方決定允許機器人作為電子產品的特殊法律地位。對其行為負責的人可以做出獨立決定或以其他方式與第三方獨立互動[37]。

該學說已經準備好提出法律模型，以確保人工智慧單元在社會和法律過程中獲得最大程度的自主權。因此，建議賦予他們操作權、節能權、自學權。正在討論的問題包括將人權擴展到新的「主體」（憲法意義上的）、「電子人」的法律地位[38]、控制論的「電子有機體」[39]、「電子代理人」[40]]（已經開發的模型）。

人工智慧系統潛在的憲法權利和自由包括：自由權、自我完善權（訓練和自我教育）、完整性權（保護程式碼免受第三方任意干擾）、自由權言論自由、創造力自由、承認人工智慧版權和有限財產權[41]。

關於人工智慧的責任，提出了對阿齊莫夫制定的著名機器人三大法則進行憲法整合：不對人造成傷害，並防止因不作為而造成傷害；服從一個人所發出的所有命令，但旨在對他人造成傷害的命令除外；出於對自身安全的擔憂，但前兩例除外[42]。

賦予技術法人資格是出於務實的考慮，包括需要解決其在社會法律空間中法律認定上已經很明顯的問題，簡化和優化現有法律制度對其的適用，促進技術與技術之間的融合與合作。人和機器[43]，以及在自學習過程中變得獨立於其創造者的特定程序。此類程序可能會產生與開發人員意圖不同的結果，但這是透過底層演算法的泛化能力實現的[44]。證明相應立法決定合理性的最重要原因是希望將對受法律保護的人、財產或社會關係造成損害的法律責任轉移給人工智慧單位本身。

從理論和實務的角度來看，人工智慧的法律人格問題主要在智慧財產權法民事侵權責任、卡特爾協議等方面進行討論。法律學者甚至承認人工智慧的刑事責任[45]，並評估了刑法典中出現專門適用於電子主體的刑事法律性質措施的章節的前景[46]。同時，該學說指出，人工智慧的責任不應歸結為懲罰和教育措施，而應歸結為建立有效的風險管理機制[47]。

Литература

References

參考書目

1. Хабриева Т.Я. Право, искусственный интеллект, цифровизация // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. акад. РАН В.А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 71-97.
2. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2020.
3. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017; Oskamp A., Lodder A.R. (2006) Introduction: Law, Information Technology, and Artificial Intelligence. In: Lodder, A.R., Oskamp A. (eds.) Information Technology and Lawyers. Dordrecht, Springer, pp. 1-22. URL: https://doi.org/10.1007/1-4020-4146-2_1.
4. Ezrachi, Ariel and Stucke, Maurice E. Artificial Intelligence & Collusion: When Computers Inhibit Competition (April 8, 2015). University of Illinois Law Review, Vol. 2017, 2017, Oxford Legal Studies Research Paper. No. 18/2015, University of Tennessee Legal Studies Research Paper. No. 267. URL: <https://ssrn.com/abstract=2591874>
5. Wall L.D. Some financial regulatory implications of artificial intelligence // Journal of Economics and Business, 2018, Vol. 100, Issue C. P. 55-63.
6. Möslin F. Robots in the Boardroom: Artificial Intelligence and Corporate Law (September 15, 2017). In: Barfield W., Pagallo U. (eds.) Research Handbook on the Law of Artificial Intelligence, Edward Elgar, (2017/18, Forthcoming). URL:

<https://www.law.ox.ac.uk/business-law-blog/blog/2017/11/robots-boardroom-artificial-intelligence-and-corporate-law>

7. Artificial Intelligence, Robotics, Privacy and Data Protection. Background document for the 38th International Conference of Data Protection and Privacy Commissioners. 2016. URL: https://edps.europa.eu/data-protection/our-work/publications/other-documents/artificial-intelligence-robotics-privacy-and_en

8. Yu R. The Machine Author: What Level of Copyright Protection is Appropriate for Fully Independent Computer Generated Works? // *University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 165 (5), 2017. P. 1241-1270.

9. Ashley K. D. Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Law Practice in the Digital Age. Cambridge, Cambridge University Press, 2017. URL: <https://doi.org/10.1017/9781316761380>; Синицин С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: научно-практическое пособие. М.: Инфотропик Медиа, 2020.

10. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019.

11. Balkin J.M. The Three Laws of Robotics in the Age of Big Data // *Ohio State Law Journal*. Vol. 78, 2017, Forthcoming. Yale Law School, Public Law Research Paper No. 592. URL: <https://ssrn.com/abstract=2890965>; Leenes R.E., Lucivero F. Laws on Robots, Laws by Robots, Laws in Robots: Regulating Robot Behaviour by Design // *Law, Innovation and Technology*. 2014, Vol. 6, № 2. P. 194-222. URL: <https://ssrn.com/abstract=2546759>

12. Saripan H. Are Robots Human? A Review of the Legal Personality Model. *World Applied Sciences Journal*. 2016, Vol. 34 (6). P. 824–831. URL: [doi:10.5829/idosi.wasj.2016.34.6.15672](https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2016.34.6.15672); Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 2. С. 87-90; Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2018. Т. 22. № 1. С. 91-109; Eidenmueller H. The Rise of Robots and the Law of Humans // *Oxford Legal Studies Research Paper*. 2017, № 27. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2941001>

13. Solum L.B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // *North Carolina Law Review*. Vol. 70. P. 1231, 1992, Illinois Public Law Research Paper № 09-13. URL: <https://ssrn.com/abstract=1108671>

14. Sunstein C. Of Artificial Intelligence and Legal Reasoning (November 2001). University of Chicago Law School Roundtable. Vol. 8. 2001. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.289789>

15. Barfield W. Issues of Law for Software Agents within Virtual Environments. *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*. 2005, 14 (6). P. 741-748. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Issues-of-Law-for-Software-Agents-within->

Virtual-Barfield/b092556c7711413a92876df8587eb24afb7cd0ff; Sartor G. Cognitive Automata and the Law: Electronic Contracting and the Intentionality of Software Agents. *Artificial Intelligence and Law*. 2009, 17 (4). P. 253-290. URL: <https://doi.org/10.1007/s10506-009-9081-0>; Allen R.J. Legal Evidence Scholarship Meets Artificial Intelligence. *Applied Artificial Intelligence*. 2004, Issue 3-4, Vol. 18. P. 367-389.

16. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2020.

17. Хабриева Т.Я. Право, искусственный интеллект, цифровизация / Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. акад. РАН В.А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 71-97.

18. Азиломарские принципы разработки ИИ (2017 г.); Глобальные этические стандарты (Рекомендации) ЮНЕСКО в сфере искусственного интеллекта (2019 г.); Рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту (2019 г.); Ethics guidelines for trustworthy AI. (2019). Разработаны High-level expert group on artificial intelligence set up by the European Commission; ГОСТ Р 59276-2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения» от 03.01.2021; и др.

19. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490); Стратегия развития робототехники (Япония); Стратегия в сфере искусственного интеллекта (ОАЭ); Дорожная карта развития робототехники в Европе «Robotics 2020» (Европейский Союз); План развития технологий искусственного интеллекта нового поколения (КНР); Дорожная Карта развития робототехники и Национальная робототехническая инициатива (США); Монреальская декларация об ответственном развитии искусственного интеллекта (Канада) и др.

20. Согласно докладу Стэнфордского университета «Индекс искусственного интеллекта – 2023» (AI Index Report 2023. <https://aiindex.stanford.edu/report/>) в 2016 г. был принят всего один закон, то в 2018 г. их было уже 12, в 2021 г. – 18, в 2022 г. – 37 законов.

21. См. далее.

22. Future of Artificial Intelligence Act of 2017 H.R.4625 US; European Commission. White paper on artificial intelligence: a European approach to excellence and trust.2020, etc.

23. NIST (2019) U.S. LEADERSHIP IN AI: A Plan for Federal Engagement in Developing Technical Standards and Related Tools. URL: https://www.nist.gov/system/files/documents/2019/08/10/ai_standards_fedengagement_plan_9aug2019.pdf.

24. <https://www.kommersant.ru/doc/5979060>
25. <https://www.taylorwessing.com/en/interface/2023/ai---are-we-getting-the-balance-between-regulation-and-innovation-right/ai-regulation-around-the-world>
26. Принята Советом ОЭСР на уровне министров 22 мая 2019 года по предложению Комитета по политике цифровой экономики (CDEP). См.: Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. OECD Legal Instruments. OECD/LEGAL/0449. 2022. Р. 2-4. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/oecd-legal-0449>.
27. DigiChina.
28. Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services (Draft for Comment). URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-measures-for-the-management-of-generative-artificial-intelligence-services-draft-for-comment-april-2023/>.
29. Правительство разработает закон об искусственном интеллекте // РБК, 28.06.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/649b950c9a794732a27a407b?ysclid=llgnqmd69c307592494>
30. Хабриева Т.Я. Право, искусственный интеллект, цифровизация // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. акад. РАН В.А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 71–97.
31. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»; Гражданский кодекс Российской Федерации.
32. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79-102.
33. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017, № 5. С. 157–170.
34. Международная классификация товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ) (11-я редакция, изд. 1-е) // Правовая система «Кодекс». <https://docs.cntd.ru/document/420273241>
35. Сурков В. Безлюдная демократия и другие политические чудеса 2121 года. URL: <https://www.russiapost.su/archives/265026>.
36. В 2017 г. робот по имени София получил подданство Саудовской Аравии.
37. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA->

38. Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти С.Н. Братуся. М.: ИЗиСП, Статут, 2017; Морхат П.М. Право и искусственный интеллект: монография / под. ред. И.В. Понкина. М.: ЮНИТИ-ДИАНА, 2017. С. 277, 303–358; Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: методологические подходы // Труды института государства и права РАН. 2018. Том. 13. № 2. С. 36-55.

39. Мусина К. С. (2023). Идентификация правосубъектности искусственного интеллекта: кросснациональный анализ законодательств зарубежных стран. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. №1. С. 135–147.

40. Дмитрий Гришин представил проект регулирования правового статуса роботов в России. (2016, 17 декабря). URL: <https://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogostatusa-roboto>

41. Филипова И.А., Коротеев В.Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023, 1(2), С. 371.

42. Архипов, В.В., Наумов, В.Б. Указ. соч. С. 157–170.

43. Морхат П.М. Указ. соч. С. 277–358.

44. Войниканис Е.А., Семенова Е.В., Тюляев Г.С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 137.

45. Radutniy O. E. Criminal liability of the artificial intelligence // Проблеми законності. 2017, вып. 138. С. 132-141. URL: file:///C:/Users/%D0%9A%D1%83%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%20%D0%A0%D0%90/Downloads/Criminal_liability_of_the_artificial_intelligence.pdf

46. Там же.

47. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта: актуальные проблемы и возможные решения: доклад НИУ ВШЭ / рук. авт. кол: В.Б. Наумов, С.А. Чеховская, А.Ю. Брагинец, А.В. Майоров. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. С. 12.

48. На такого рода риски указывают авторы открытого письма представителей IT-индустрии от 30 марта 2023 г. свыше 1 тыс. чел. – о необходимости приостановить на шесть месяцев обучение систем искусственного интеллекта, а также лидеры в разработке технологий ИИ, в частности Джеффри Хинтон, Илон Маск.